

Традиция и ценности: противоборство или единство?

Научный руководитель – Рахманкулова Нэлли Фидаиевна

Хупения Нино Романовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии гуманитарных факультетов, Москва, Россия

E-mail: nxp835@inbox.ru

В социально-философской литературе не в полной мере раскрыта проблема соотношения сложившихся у индивида ценностей - совокупности осознанных устойчивых представлений (социальных установок, заповедей и требований) о предметах и явлениях природно-социального бытия, - и традиций, носителем которых он является.

Традиция представляет собой «канал для ретрансляции» ценностей из области сакрального в сферу повседневности. Посредством следования традиции индивид «входит» в культурно-историческое пространство социума и усваивает языки своей культуры, поведенческие практики. Она позволяет индивиду ощущать себя частью этноса (общности, группы), соотносить себя с прошлыми поколениями, поддерживать и воспроизводить ценностные ориентиры на протяжении длительного времени. Причастность к ценностям через традицию дает ощущение стабильности и незыблемости социального бытия. Например, совершение церемонии бракосочетания по конкретной традиции (смотрины, сватовство, венчание) несет в себе психотерапевтическое значение для индивида [2]. В этот момент он чувствует непосредственную связь со своими предками, которые совершали данную церемонию аналогичным образом на протяжении многих поколений, что дает ему ощущение структурированности своей жизни. Следование такой традиции воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как естественная практика поведения при бракосочетаниях, не требующая осмысления. Эта традиция подчеркивает отличительные особенности социальной группы и направлена на воспроизводство из поколения в поколение такой ценности как преданность своему этносу, общности, семье.

Традиция значима для индивида в той мере, в которой она поддерживает и воспроизводит ту или иную ценность. Отношение индивида к традиции может выражаться как в осмысленной трактовке традиции, ее осознанном отборе или оценке в зависимости от своих предпочтений, так и на уровне не до конца осознанном: индивид следует ей, исходя из усвоенных им ценностных установок, но не предается рефлексии о ней. Традиция в последнем случае выступает своего рода естественным канонам, соотносящим индивида с его жизненными принципами и установками и не требующим осмысления.

Любые социальные изменения, приводящие к переоценке ценностей, оказывают непосредственное воздействие на «положение» традиции в сознании индивида: ее значение может возрасти, если ощущается потребность в сохранении ценности, или, напротив, ослабить, если необходимость в ее наличии становится неочевидным. Характер воздействия переходных процессов на традицию зависит, прежде всего, от «прочности» ее связи с ценностями.

Так, вызовы, грозящие разрушить устоявшиеся ценности, зачастую обостряют у индивидов чувство страха утраты преемственности с предками, размывания норм и устоев, доставшихся от прошлых поколений, и как результат вызывают резкую охранительную реакцию, которая выражается в целенаправленных усилиях по укреплению авторитета

традиции. В такой ситуации значительная часть социума выступает с консервативных позиций по отношению к происходящим сдвигам, отвергает новые веяния. Например, инициированные Французской революцией перемены, с одной стороны, спровоцировали разрушение многих традиций в европейских странах и обусловили распространение новых ценностных ориентиров под общей идеологией «свободы, равенства и братства». С другой стороны, эти процессы послужили источником зарождения мощной охранительной реакции в Российской империи и, в конечном счете, выкристаллизовались в известной уваровской идеологической триаде «православие, самодержавие, народность». Можно утверждать, что на протяжении длительного времени, вплоть до распада Российской империи, эта триада занимала важнейшее место в «аксиологическом пространстве» российского сознания. Ее, по сути, защищал придворный историограф Н.М. Карамзин: «Самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для счастья» [3]. Не менее выразительно защищал ее К.Н. Леонтьев: «Именно безграмотный русский народ в большей степени, чем образованная либеральная интеллигенция, сохранял русское культурное своеобразие и самосознание, именно он являлся хранителем «народной физиономии», которую нужно во что бы то ни стало сберечь» [4]. В том же охранительном духе выступал император Александр III, уверяя подданных в том, что «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для лага народного от всяких на нее поползновений» [1].

В современное время подобная апология традиции находит выражение в различных религиозных и философско-политических течениях консервативной направленности, таких как религиозный фундаментализм, евразийство, динамический консерватизм и многих других течениях, подчеркивающих необходимость противостояния любым силам и социальным изменениям, угрожающим сложившимся ценностям, социокультурной и духовной «особости», исторической самобытности и т.д.

В то же время, смена ценностных ориентиров, сопровождающаяся замещением устаревших ценностей новыми, более адаптированными и соответствующими духу времени, может оказаться весьма успешным для социума. Критически настроенные к традициям индивиды, будучи освобожденными от сложившихся предписаний и моделей поведения, могут способствовать социальному и интеллектуальному прогрессу. Апологеты традиции не в силах противостоять переменам, а сами традиции неспособны выполнять функцию воспроизводства ценностей.

Можно заключить, что в обществах с доминирующими консервативными воззрениями ценностные ориентиры возводятся в ранг сакральных и не подлежащих переосмыслению, а традиция выступает как эффективный инструмент их защиты и воспроизводства, снижения интенсивности кризисных проявлений, вызываемых социальными трансформациями. Общества с ослабленным «иммунитетом» против трансформационных процессов, хотя и подвергаются рискам потери части ценностного наследия, все же способны менее болезненно совершить успешный переход на новый уровень развития.

Источники и литература

- 1) Высочайший манифест от 29 апреля 1881 г. // Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1996.
- 2) Зыкова М.Н. Фольклоротерапия: структурирование жизни через обряд. Воронеж, 2006.
- 3) Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 105.

- 4) Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 2005. С. 98.